

«НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС» НА СТРАНИЦАХ «РУССКОЙ ПЕЧАТИ» В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

The “German Question” on the Pages of the Russian Press
at the Beginning of World War I

Игорь Константинович Богомолов
boga_igor@mail.ru

Институт научной информации по общественным наукам РАН
(Москва, Россия)

Igor K. Bogomolov
boga_igor@mail.ru

Institute of Scientific Information for Social Sciences of Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 30.09.2017

Fecha de evaluación: 10.12.2018

Cuadernos de Rusística Española nº 14 (2018), 201 - 208

РЕЗЮМЕ

Статья переносит нас в то время, когда словосочетания «русское правительство», «русская печать», «русская промышленность» еще употреблялись в том смысле, в котором сегодня мы употребили бы прилагательное «российский». Автор обращает внимание на то, что на страницах националистической и либеральной прессы для конструирования образа врага используются разные способы, а существующие между изданиями устойчивые противоречия сохраняются.

Ключевые слова: немецкий вопрос; русская печать; Первая мировая война

ABSTRACT

The article takes us to a time when the adjectives “Russkiy” and “Rossiyskiy” (both are translated as “Russian”) were almost identical, and “Russkiy” was used much more often than “Rossiyskiy”. The author draws attention to the fact that on the pages of the nationalist and liberal Russian press different methods were used to construct the image of the enemy, and there were persistent contradictions existing between the editions.

Keywords: German question; the Russian press; World War I

There can be no true friends without true enemies.

Unless we hate what we are not,

we can not love what we are.

Michael Dibdin, «Dead Lagoon» (1994)¹

1. Не может быть настоящих друзей без настоящих врагов. Если мы не ненавидим того, кем мы не являемся, мы не можем любить того, кем мы являемся. Майкл Дибдин, «Мертвая лагуна» (1994).

До революции 1917 г. прилагательные «русский» и «российский» были почти тождественны, и если речь шла не о государстве, то предпочтение отдавалось прилагательному «русский», российское же звучало как вариант русского (Теленков 2008: 328). В период Первой мировой войны русское активно противопоставляется немецкому, что особенно заметно на страницах периодической печати. Усиление влияния средств массовой информации на общество явилось одним из важнейших последствий этой войны. Интенсификация общественной жизни приводила к формированию устойчивого спроса на периодические издания. В конце XIX – начале XX столетия количество издаваемых газет и журналов значительно возросло, многократно увеличилось их тиражи. Пресса превращалась в неотъемлемую часть повседневности представителей разных классов и сословий.

Начало Первой мировой войны внесло кардинальные изменения в ежедневную повестку российской периодической печати. На второй план отошли все внутриполитические, экономические и культурные новости. «В условиях переживаемого совершенно исключительного времени пульс политической жизни заметно понизился и все важнейшие вопросы внутренней политики... отошли в сторону не только в нашем отечестве, но и во всей Европе», – отмечалось в одном из редакционных документов «Русских ведомостей» в начале августа 1914 г. (РГАЛИ). На этом скоротечном этапе война становилась нравственной опорой, возвышалась над всеми политическими, национальными и идеологическими противоречиями в обществах европейских государств. Война становилась *всем*, вторгалась в те ниши общественной жизни, которые ранее практически не затрагивались военными конфликтами.

Ярким примером были дискуссии по национальному вопросу. Взгляд на войну как на противостояние народов, рас и цивилизаций был весьма распространен в русской общественной мысли в первые годы войны. Популяризации этой точки зрения, без сомнения, служила и государственная пропаганда, стремившаяся создать в общественном сознании образ врага, конкретизированный с помощью национальных, культурных и политических стереотипов. Иными словами, для того, чтобы «поднять» народ на войну, необходимо было указать ему на конкретного врага: не абстрактной и далекой для большинства малограмотных крестьян Германии или Австро-Венгрии, а вполне осязаемого «немца» или «австрийца». По справедливому замечанию немецкого исследователя Г. Кёнена, Первая мировая война с самого начала вышла за узкие условные рамки «пропагандистской войны». Рассуждая о Германии в 1914 г., он отмечал, что «все пропагандистские акции официальных органов за короткое время были превзойдены потоком спонтанных выражений лояльности, разнообразных по характеру и уровню» (Кёнен 2010: 50).

Подобные тенденции можно было наблюдать и в России: выражения лояльности и призывы к «единению» были на руку правительству, однако оно изначально имело мало возможностей для поддержания и регулирования эти «верноподданнических» настроений. «Немецкий вопрос» в этом смысле сыграл для самодержавия важнейшую, если не сказать – роковую роль. Стремительно нараставшая в странах Антанты волна антинемецких настроений изначально приобрела в России широкий внутривнутриполитический подтекст. Большая (а в иных случаях – исключительная) роль немцев в российской экономике, политике и культуре ставила на повестку совершенно новые вопросы, отвечая на которые ведущие русские печатные органы

проявили свои «старые» политико-идеологические воззрения, не исчезнувшие с началом войны и объявлением «священного единения».

Отношение русских газет к новым врагам на первый взгляд мало чем отличалось: со страниц газет ежедневно раздавались осуждения в адрес Германии за неприкрытую агрессию против всего «цивилизованного мира». Различия крылись в деталях, точнее – в оценке самой войны, ее смысла и характера. Националистическая пресса («Новое время», «Колокол», «Свет» и др.) считала, что война была вызвана характером и «душевым складом» германского народа. Немцы, утверждало «Новое время», при первой возможности «сбросили цивилизованную маску» и обнажили свою истинную, «звериную» сущность. Этот вывод обосновывался с помощью многочисленных «фактов» военных преступлений, якобы совершенных немцами. Важно отметить, что речь шла именно о немцах – и о германском офицере, отдававшем «гуннские приказы» в оккупированной Бельгии и Польше, и о немке-домохозяйке, помогавшей своей армии в грабежах и насилиях. Роль «простого народа» подчеркивалась особо: «Новое время» утверждало, что к началу войны «озверение» уже не контролировалось германскими правящими кругами. Скорее наоборот, сами правящие круги перед лицом войны действовали в унисон с тем «шовинистическим угаром», который охватил все слои немецкого общества и который не могла в нем вызвать самая эффективная пропагандистская машина.

Сравнение немцев с варварами на страницах националистической печати достаточно быстро сменилось прямой ассоциацией. «Варварские набеги» объяснялись не только тактикой германского командования, но и близким родством немцев с древними германскими племенами. Обозреватель «Нового времени» М. Меньшиков считал «немецкие зверства» проявлением «массового атавизма»: германский народ с готовностью достал из «глубин души» самые низменные привычки и «инстинкты», которые были присущи его далеким предкам². Меньшиков подкреплял данный тезис «мнениями некоторых антропологов», утверждавших, что «германская раса значительно низшего типа, чем кельто-славянская, а знаменитый неандертальский череп, столь типический для северных тевтонов, наиболее звероподобен, приближаясь к черепу гориллы». Вхождению в состав «цивилизованных народов» немцы, по мнению журналиста, были обязаны «кельто-славянам, ариизировавшим и окультурившим отсталую германскую расу» (Письма к ближним 1914: 5).

Немецкий народ предстал на страницах «Нового времени» как перманентная угроза «цивилизованному миру», как неизменный источник агрессий и войн против «культурных» и «миролюбивых» соседних народов. С этой точки зрения, образование Германской империи стало не столько причиной, сколько следствием немецкого милитаризма. Соответственно, для предотвращения будущих вооруженных конфликтов невозможно было ограничиться «полумерами» – отстранением от власти кайзера и уничтожением «пруссского милитаризма» в Германии. По мнению «Нового времени», первоочередной задачей союзников и всего мира было «усмирение» немецкого народа и уничтожение единого германского государства. Более

2. «Сравните поведение вестготов и лангобардов с поведением нынешних пруссаков и баварцев на всех театрах войны – вы не в состоянии будете решить: когда было больше лютого зверства, тогда или теперь» (Должны победить 1914: 5).

того, газета не видела места в послевоенном мире для «второсортной» немецкой культуры и вообще для немцев, никогда якобы не входивших в число «цивилизованных народов».

С позиций либеральной прессы, столкновение народов должно было немедленно прекратиться вместе с полным поражением агрессивно-милитаристских режимов Германии и Австро-Венгрии, образовавших «раковую опухоль» на теле Европы. Либеральные газеты связывали «зверства» с проявлением «темных сторон немецкой души», но отмечали и «светлые» стороны, положительные качества немецкого характера, благодаря которым немцы после войны должны были «начать сначала», обрести свое законное место в ряду крупнейших европейских наций. «Русское слово», «Речь», «Русские ведомости» и другие либеральные издания принципиально расходились с «Новым временем» во взглядах на немецкий народ, совершенно иначе оценивали его вклад в развитие европейской культуры, науки и техники. Эти издания подчеркивали, что «зверства» совершали именно германские войска, а не немецкий народ. «Угроза миру» исходила, прежде всего, от правящих кругов Германии и от германской армии. С этой точки зрения, политика Германии была следствием сосредоточения власти в руках одного человека и окружавшей его камарильи. Обозреватель «Русских ведомостей» К. Арсеньев отмечал, что война «обнаружила отличительные черты германского правительственного механизма. Войну вызвала не масса населения, трудящаяся и миролюбивая; ее вызвало привилегированное меньшинство, господствующее в высших военных и административных сферах» (Поразительные перемены 1914: 2). Цензура усматривала в этом скрытую критику существовавшего строя в России, а потому уже в сентябре 1914 г. запретила публиковать статьи, «выдвигающие в качестве виновника всех бедствий войны германский династический принцип и требующие замены в Германии монархии республикой» (РГИА).

Противоречия между либеральной и националистической печатью по «немецкому вопросу» открыто проявились уже в августе 1914 г. Первым камнем преткновения стали распространявшиеся через националистическую прессу призывы к «адекватному» ответу на немецкие «зверства». «Русские ведомости» были возмущены и считали, что подобные предложения «недостойны великого, верящего в свою правоту народа». Газета выражала надежду, что подобные мысли и настроения принадлежали только «отдельным кучкам людей, не сумевших в великий исторический момент понять народную психологию и слиться с ней» (Русские ведомости 1914: 1). Уже вскоре абстрактная «кучка людей» получила вполне определенные имена и политическое направление.

Возобновлению споров между «старыми» противниками способствовала набравшая обороты кампания по борьбе с «немецким засильем». Затронув вопрос об этнических немцах, проживавших в России, пресса, вольно или невольно, актуализировала временно «отставленные» в сторону проблемы и дискуссии. Оппоненты при первой возможности с готовностью вернули эти вопросы на страницы газет, попутно обвиняя друг друга в нарушении «священного единения». А.Н. Толстой писал на страницах «Русских ведомостей», что подъем народа на войну против Германии стал «осознанным актом народного разума и воли». На этом фоне «остер-

венелую» антинемецкую кампанию на страницах «тысяч мелких газет и листков» Толстой назвал преступлением (Первая ступень 1914: 2).

Для «Русских ведомостей» был неприемлем сам алгоритм действий, предложенный националистической печатью: сначала «преодоление немецкого засилья» и только затем — развитие русской промышленности, науки и культуры. Националисты обвинялись в том, что они «как раньше говорили: нужно выгнать из России евреев, и тогда все будет хорошо, так и теперь на искоренении немцев упражняют свои государственные умы» (Охота на немцев 1914: 3). Вторила своим московским союзникам и столичная «Речь», открыто заявившая, что оппоненты «справа» не изменили свою «сущность», не стали дальновиднее, прагматичнее и терпимее к иным оценкам происходящих событий. Напротив, «война с Германией и Австрией открыла новое поприще нашим крикунам для упражнения их голосовых связок... Чем усерднее крикуны эти расстилались (до войны. — *И.Б.*) перед германским сапогом... тем яростнее теперь стараются... уверить, что они всегда ненавидели наших нынешних врагов, всегда против них предостерегали» (Речь 1914: 1). «Речь» уже не скрывала, к кому именно были обращены подобные обвинения, и называла конкретные фамилии и газеты. Популярным в кадетской печати стал пример М. Меньшикова и его статьи 1909 г., где обозреватель «Нового времени» весьма комплиментарно отзывался о Германии и немецком народе³. Суворинская газета в долгу не оставалась и напоминала, что даже во время войны в либеральной прессе «по-прежнему расточаются подобострастные похвалы немецкому гению» (Среди газет и журналов 1915: 5).

Противоречия между кадетской печатью и «Новым временем» проявились и в дискуссиях об истоках германского милитаризма. Либеральные издания систематически оспаривали тезис националистической прессы о неразрывной связи «германизма» и немецкой культуры (От Канта к Круппу 1914: 3). По мнению «Речи», отрицательные явления в жизни Германии, появление таких «патологически самовлюбленных политиков» как Вильгельм II, не являются продолжением немецкой философской мысли XIX в., а наоборот, противостоят ей. Крупнейшие немецкие философы стали «заложниками» своих интерпретаторов, создававших искусственную связь между ними и изменчивой политической конъюнктурой. Фихте, Шопенгауэр, Ницше и многие другие немецкие мыслители «брезгливо» наблюдали за ростом германского милитаризма, «фарисейским лицемерием германских патриотов и корыстным ханжеством клерикальных ретроградов» (Немецкая философия и немецкий национализм 1915: 2). «Русские ведомости» считали, что германская культура как часть культуры европейской, должна быть под охраной противников Германии. Отказавшись от одной части европейской культуры, Россия в итоге «отвернется» от всей Европы. «Вправе ли мы видеть в современной борьбе войну против какой-то особой германской культуры, или же мы поступим справедливее,

3. В этой статье Меньшиков, в частности, писал: «Помимо политики я лично люблю Германию. Люблю ее рыцарскую культуру, ее философский гений, ее протестантское благочестие, ее удивительное трудолюбие, бесстрашие и физическую свежесть расы» (Отклики 1915: 2).

взяв лучшее в германской культуре под свою защиту?», - задавалось вопросом издание (Виноват ли Кант? 1915: 5).

Заметно изменили риторике печати сообщения о многочисленных преступлениях германской армии на оккупированных территориях. В результате уже осенью 1914 г. антинемецкую кампанию начали поддерживать и некоторые либеральные издания. В сентябре 1914 г. журналист прогрессистского «Утра России» В.Г. Тардов высмеивал мнение что на немецкий народ не следует возлагать ответственность за преступления правительства. «Ради Бога, довольно, господа! – восклицал публицист. – Все это – благородные слова, но разве вы не видите, что это чепуха, софизм, которым могут утешить себя только малоумные филистеры? <...> Относитесь как угодно к отдельным немецким пленным, целуйте их, прыскайте одеколоном, но помните все-таки: мы воюем с народом, с немецким народом. Не с правительством, не с Вильгельмом, не с прусским лейтенантом, не с “измами”, присущими германскому “рейху”, а с народом» (Наше мщение 1914: 1). В дальнейшем эта точка зрения уже не оспаривалась, но это не означало полного согласия с «Новым временем». Либеральная печать постепенно смещала акцент в своей критике, осуждая репрессии по отношению к этническим немцам, проживавшим в России. Кадетские печатные органы обвиняли «Новое время» в том, что слова о «единении» общества были использованы этим изданием и силами, которые за ним стояли, в новой кампании против «очередной химеры», а точнее – против экономических и политических конкурентов.

К лету 1915 г. отошли на второй план и дискуссии о смысле и характере войны. Тяжелые военные поражения заставили русскую печать прекратить «делить шкуру неубитого медведя» – рассуждать о распределении «германского наследства» между будущими победителями. Критике подверглось и распространенное в первый год войны мнение, что окруженные, ограниченные в ресурсах и якобы раздираемые внутренними противоречиями Германия и Австро-Венгрия добровольно сдадутся сами. Сомнения в этом либеральная печать высказывала еще осенью 1914 г. «Русские ведомости», к примеру, опубликовали целый ряд статей о мерах германского правительства по экономии продовольствия и топлива, которые в итоге позволяли стране длительное время переживать блокаду (Осуществляется ли блокада Германии? 1914: 5).

Наступление австро-германских армий в мае-июне 1915 г. вынудило и консервативную печать признать силу и организованность Германии, ее экономическую и политическую устойчивость (Германия сейчас 1915: 2). Хвалебные отзывы о достоинствах противников оттеняли внутренние неурядицы в самой России. Призывая брать пример с врага в деле организации национальной обороны, многие журналисты возобновили открытую критику правительства. В этом смысле образ сильного внешнего врага стал важнейшим фактором внутривнутриполитического кризиса, а для думской оппозиции – универсальной платформой для объединения. Поэтому быстрая перемена в настроениях русской печати (еще весной 1915 г. предвещавшей Германии скорый крах) неудивительна и вполне объяснима: через прессу оппозиционные силы призывали начать внутреннее «переустройство», без которого невозможна победа над столь сильным врагом (Действительно ли мы ведем войну на истощение Германии? 1915: 4). Правительству в этой «работе» отводилось не-

много места, оно предстало скорее тормозом, мешавшим «общественным силам» заработать на полную мощность.

Тяготы войны также оказывали серьезное влияние на образ врага в русском обществе. Враг постепенно выходил за рамки абстрактных, далеких от обывателя форм (Германия, Австро-Венгрия, эрцгерцог, кайзер и т.д.) и принимал все более четкие очертания в новых формах, а зачастую – в конкретных лицах. На фоне острых экономических и социальных проблем «немец» перестал быть исключительно немецким солдатом, а «немецкими зверствами» нередко называли спекуляции с хлебом и дровами – главными товарами военного времени. Со временем философские дискуссии о прошлом и настоящем Германии, о «немецкой душе» и культуре опустились на более низкий, бытовой уровень, на котором вполне конкретные «немцы» (причем вовсе не обязательно этнические немцы) шпионили, совершали диверсии, прятали урожай и завывали цены на рынке.

Распространение бытовой германофобии влияло и на позиции прессы: либеральные издания, которые в начале мировой войны призывали к отделению немецкого народа от «пруссачества», ныне использовали тему «измены» в возобновившейся политической игре. Логическая цепочка неумолимо шла «наверх»: несмотря на все старания цензуры, печать находила возможности при случае намекнуть на возможность существования «немецкой партии» в правительстве, а в частных разговорах тень подозрения падала и на царскую семью: Николаю II и Александре Федоровне нередко вспоминалось их якобы «немецкое» происхождение. Живучесть «немецкого вопроса» наглядно демонстрирует послефевральский политический дискурс: среди обвинений в адрес царя и его окружения одним из главных было обвинение в измене, в сдаче противнику военных секретов, что, якобы, и привело к тяжелым поражениям армии. «Немецкий вопрос» пережил все социально-политические катаклизмы 1914-1917 гг., сыграв одновременно мобилизующую и дестабилизирующую роль на всем протяжении революционного кризиса в России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВИНОВАТ ЛИ КАНТ? (1915): *Русские ведомости*. 11 февраля. № 33.
 ГЕРМАНИЯ СЕЙЧАС (1915): *Русское слово*. 4 июля. № 142.
 ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ МЫ ВЕДЕМ ВОЙНУ НА ИСТОЩЕНИЕ ГЕРМАНИИ? (1915): *Новое время*. 12 августа. № 14147.
 ДОЛЖНЫ ПОБЕДИТЬ (1914): *Новое время*. 31 октября. № 13866.
 КЁНЕН, Г. (2010): Между страхом и восхищением. Российский комплекс в сознании немцев. 1900–1945. РОССПЭН, Москва.
 НАШЕ МЩЕНИЕ (1914): *Утро России*. 1914. 27 августа. № 189.
 НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ И НЕМЕЦКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ (1915): *Речь*. 17 апреля. № 91.
 ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ЛИ БЛОКАДА ГЕРМАНИИ? (1914): *Русские ведомости*. 9 октября. № 232.
 ОТ КАНТА К КРУППУ (1914): *Речь*. 14 декабря. № 325.
 ОТКЛИКИ (1915): *Русские ведомости*. 19 марта. № 64.

- ОХОТА НА НЕМЦЕВ (1914): *Русские ведомости*. 12 октября. № 235.
 ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ (1914): *Русские ведомости*. 20 августа. № 190.
 ПИСЬМА К БЛИЖНИМ (1914): *Новое время*. 27 сентября. № 13832.
 ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ (1914): *Русские ведомости*. 22 августа. № 192.
 РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 1701. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.
 РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 778. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.
 РЕЧЬ (1914): 22 декабря. № 333.
 РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ (1914): 13 августа. № 177.
 СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ (1915): *Новое время*. 30 мая. № 14073.
 ТЕЛЕНКОВ, А.В. (2008): О соотношении наименований русские и россияне: История, современность и перспективы. *Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. № 8. С. 326-340.

BIBLIOGRAPHY

- DEJSTVITEL'NO LI MY VEDEM VOJNU NA ISTOSHCHENIE GERMANII? (1915):
Novoe Vremya. 12 Avgusta. № 14147.
 DOLZHNY POBEDIT' (1914): *Novoe Vremya*. 31 Oktyabrya. № 13866.
 GERMANIYA SEJCHAS (1915): *Russkoe Slovo*. 4 Iyulya. № 142.
 KYONEN, G. (2010): *Mezhdru Strahom I Voskshishcheniem. Rossijskij Kompleks V Soznanii Nemcev. 1900–1945*. Rosspehn, Moskva.
 NASHE MSHCHENIE (1914): *Utro Rossii*. 1914. 27 Avgusta. № 189.
 NEMECKAYA FILOSOFIYA I NEMECKIJ NACIONALIZM (1915): *Rech'*. 17 Aprelyya. № 91.
 OKHOTA NA NEMCEV (1914): *Russkie Vedomosti*. 12 Oktyabrya. № 235.
 OSUSHCHESTVLYAETSYA LI BLOKADA GERMANII? (1914): *Russkie Vedomosti*. 9 Oktyabrya. № 232.
 OT KANTA K KRUPPU (1914): *Rech'*. 14 Dekabrya. № 325.
 OTKLIKI (1915): *Russkie Vedomosti*. 19 Marta. № 64.
 PERVAYA STUPEN' (1914): *Russkie Vedomosti*. 20 Avgusta. № 190.
 PIS'MA K BLIZHNIM (1914): *Novoe Vremya*. 27 Sentyabrya. № 13832.
 PORAZITEL'NYE PEREMENY (1914): *Russkie Vedomosti*. 22 Avgusta. № 192.
 RGALI (Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Literatury I Iskusstva). F. 1701. Op. 2. D. 4. L. 1.
 RGIA (Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv). F. 778. Op. 1. D. 2. L. 44.
 RECH' (1914): 22 Dekabrya. № 333.
 RUSSKIE VEDOMOSTI (1914): 13 Avgusta. № 177.
 SREDI GAZET I ZHURNALOV (1915): *Novoe Vremya*. 30 Maya. № 14073.
 TELENKOV, A.V. (2008): O Sootnoshenii Naimenovanij Russkie I Rossiyane: Istoriya, Sovremennost' I Perspektivy. *Nauchnyj Ezhegodnik Instituta Filosofii I Prava Ural'skogo Otdeleniya Rossijskoj Akademii Nauk*. № 8. S. 326-340.
 VINOVA LI KANT? (1915): *Russkie Vedomosti*. 11 Fevralya. № 33.